

Изъ записокъ Станислава-Августа Понятовскаго ¹⁾).

Понятовскій не долго пробылъ вдали отъ Петербурга; пріѣхавъ къ родителямъ въ исходѣ августа 1756 г., онъ 13 декабря уже отправился обратно ко двору Елисаветы Петровны, этотъ разъ въ качествѣ чрезвычайнаго посла, получивъ по желанію великой княгини, за нѣсколько дней до отъѣзда изъ Варшавы, польскій орденъ Бѣлаго Орла.

Молодого посла сопровождалъ въ качествѣ секретаря нѣкто Огородскій, о которомъ Станиславъ-Августъ отзывался съ навлучшей стороны. По его словамъ, Огородскій получилъ болѣе разностороннее образованіе, нежели многіе изъ современниковъ; онъ обладалъ рѣдкими качествами: былъ трудолюбивъ, исполнителенъ, скромнъ, терпѣливъ, умѣлъ хранить тайны и—что имѣло особенное значеніе въ глазахъ Станислава-Августа—всей душою былъ преданъ семейству Понятовскихъ, поэтому считалъ священнымъ долгомъ стать полезнымъ молодому человѣку, всячески оберегалъ его, не беря въ то же время на себя роль докучливаго ментора; словомъ, для Станислава это былъ человѣкъ незамѣнимый.

Уѣхавъ изъ Варшавы 13 декабря, Понятовскій прибылъ 29 числа въ Ригу, гдѣ провелъ три дня, чтобы быть на балу, данномъ фельдмаршаломъ Апраксинымъ по случаю тезоименитства императрицы. „Я считалъ нужнымъ быть пріятнымъ Апраксину, пишетъ Понятовскій, который командовалъ арміей, выступавшей на защиту правъ моего монарха. Я познакомился съ нимъ въ мой первый пріѣздъ въ Россію и зналъ его какъ

¹⁾ См. „Русская Старина“ декабрь 1915 г.

человѣка, кичившагося тѣмъ, что онъ былъ однимъ изъ денщикъ Петра Великаго. Лично онъ ничѣмъ не отличился по службѣ и не обладалъ талантами, которые давали бы ему право на такое видное назначеніе. Его ближайшимъ помощникомъ былъ генералъ Ливень, тотъ самый, который привелъ войска изъ Германіи въ 1749 г. Но самымъ дѣятельнымъ въ корпусѣ Апраксина былъ храбрый генералъ Петръ Панинъ, въ званіи дежурнаго генерала вѣдавшій всѣмъ, успѣвая, какъ говорили, въ то же время, очень энергично и съ успѣхомъ ухаживать за супругой фельдмаршала“.

Пріѣхавъ въ Петербургъ 3 января 1757 г., Понятовскій получилъ 11-го числа аудіенцію у императрицы. Такъ какъ по правиламъ придворнаго этикета посланники второстепеннаго ранга не могли, въ продолженіе своей миссіи, говорить съ императрицей о дѣлахъ, то Станиславъ воспользовался своей аудіенціей, какъ единственной возможностью изложить императрицѣ сущность возложеннаго на него порученія.

Король приводитъ въ своихъ запискахъ содержаніе произнесенной имъ передъ императрицею рѣчи.

„Имѣя честь говорить съ Вашимъ Императорскимъ Величествомъ отъ имени Е. В. короля польскаго“, такъ началъ Станиславъ Понятовскій, „я исполняю его повелѣніе съ чувствомъ вѣрноподданнаго и ревностнаго патріота; смѣю увѣрить В. И. В. въ томъ, что дружественныя чувства и преданность польскаго народа къ священной особѣ В. И. В. такъ же неизмѣнны при данныхъ обстоятельствахъ, какъ они были донинѣ, о чемъ свидѣтельствуется письмо, которое я имѣю честь вручить Вамъ отъ имени моего короля“.

„Справедливость, коей отмѣчены всѣ рѣшенія В. В., а равно интересы Вашей имперіи говорятъ одинаково въ пользу короля, моего монарха, и противъ дерзостнаго захвата его наслѣдственныхъ владѣній. Основываясь на этомъ, я могъ бы надѣяться на успѣхъ возложеннаго на меня чрезвычайно важнаго порученія, хотя бы В. И. В. еще не высказались на этотъ счетъ, но Европѣ извѣстенъ взглядъ на этотъ вопросъ В. В. изъ высочайшихъ грамотъ, въ которыхъ она съ восторгомъ узнала дщерь Петра Великаго“.

„Поэтому полученныя мною инструкціи повелѣваютъ мнѣ прежде всего выразить В. В. живѣйшую и почтительнѣйшую признательность, коей преисполнено сердце короля, моего монарха, эти чувства безъ сомнѣнія найдутъ откликъ въ любвеобильномъ сердцѣ В. В. Вы высказали, государыня, свое спра-

ведливое негодование противъ монарха, честолюбіе коего грозитъ Европѣ тѣми же бѣдствіями, каковыя обрушились нынѣ на Саксонію. Вы обѣщали отомстить за нихъ. Для императрицы всероссійской не существуетъ невозможнаго; когда же императрица Елисавета возвѣстила о томъ, что она намѣрена предпринять, это надобно считать не только возможнымъ, но и непрекаемымъ; потому можно уповать на то, что король, мой монархъ, будетъ съ почетомъ водворенъ въ своихъ владѣніяхъ, ибо В. В. высказали свою непреклонную волю.

„Не стану рисовать В. В. печальную картину страны, наводненной непріателемъ, не стану говорить о нарушеніи, среди глубочайшаго міра трактатовъ, не стану говорить о королѣ, которому, величая его другомъ, оставляютъ на выборъ лишь позоръ или смерть; ни о королевской семьѣ, обреченной на крайнюю нужду, подвергающейся самымъ тяжкимъ оскорбленіямъ, не стану говорить о капитуляціи, вынужденной варварскимъ обращеніемъ съ офицерами и солдатами, коихъ преданность и вѣрность королю, своему монарху, внушили бы уваженіе всякому иному врагу, наконецъ, не стану говорить о положеніи страны, разоряемой врагомъ уже четыре мѣсяца, и сгущать краски картины, безъ того слишкомъ хорошо извѣстной. Я убѣжденъ въ томъ, что любвеобильное сердце В. И. В. будетъ взволновано при мысли, что бѣдствія ни въ чемъ неповинной Саксоніи усугубляются съ каждымъ днемъ и что каждый мѣсяць, каждая недѣля промедленія усиливаетъ могущество короля прусскаго.

„Силы, которыя онъ могъ собрать и употребить въ дѣло въ 1745 г. послѣ неудачъ, имъ испытанныхъ въ 1744 г., свидѣтельствуютъ о томъ, что это гидра, которую мало ниспровергнуть, но которую ниспровергнувъ нужно раздавить“.

„В. В. суждено нанести королю прусскому рѣшительный ударъ. Прочія державы въ виду ихъ отдаленности не могутъ рассчитывать на столь быстрый успѣхъ предпринятыхъ ими мѣръ; спасая своего угнетеннаго союзника, В. В. тѣмъ самымъ докажете міру, что захотѣтъ для васъ значитъ исполнить. *Ничто не можетъ остановить русское войско, когда, защищая правое дѣло, оно идетъ по пути къ славы и побѣды*“.

„Да ниспошлетъ мнѣ Господь силу убѣжденія; всѣ мои желанія были бы увѣнчаны, если бы я съумѣлъ достойнымъ образомъ оправдать выборъ моего монарха, заслуживъ во время пребыванія моего при высочайшемъ дворѣ В. И. В. своимъ поведеніемъ продолженіе тѣхъ милостей, кои В. В. столь щедро и великодушно излили на меня при отъѣздѣ моемъ отсюда“.

„Моя признательность слишкомъ глубока, чтобы я могъ выразить ее словами, могу только засвидѣтельствовать В. И. В. мое почтительнѣйшее благоговѣніе“.

Станиславъ-Августъ остался доволенъ своей рѣчью.

„Императрицѣ приходилось обычно выслушивать только банальные комплименты отъ лицъ, которыя не имѣли по большей части навыка говорить публично, поэтому моя рѣчь, произнесенная громко и съ воодушевленіемъ, понравилась ей, тѣмъ болѣе, что та была убѣждена въ томъ, что объявляя войну король былъ неправъ“.

„По приказанію императрицы моя рѣчь была напечатана. Когда ее прочитали въ Варшавѣ, родные осудили меня за слово „гидра“ и боялись гнѣва короля прусскаго; онъ же, узнавъ содержаніе моей рѣчи, сказалъ: „хотѣлъ бы, чтобы это была правда, и чтобы отсѣченныя мои головы отростали вновь“. Отвѣтъ достойный великаго человѣка“.

Станиславъ-Августъ надѣялся на быстрые и рѣшительные успѣхи русскаго оружія; между тѣмъ военныя операціи русской арміи подъ командою неспособнаго, слабохарактернаго и недалёкаго Апраксина были медленны и нецѣлесообразны.

Понятовскій даетъ портретъ Апраксина:

„Онъ былъ такъ толстъ, что съ трудомъ могъ сѣсть на лошадь; вставалъ поздно, любилъ поздно засиживаться по ночамъ и засыпалъ не иначе, какъ наслушавшись сказокъ, которыя ему рассказывали, надрываясь, что есть мочи, два или три гренадера; ихъ голоса раздавались къ всеобщему изумленію изъ палатки главнокомандующаго до поздней ночи, въ то время какъ въ лагерь царила полнѣйшая тишина; это повторялось ежедневно.“

„Апраксинъ ничего не зналъ о томъ, что дѣбалось въ арміи, да такой степени, что 20 августа 1757 г. въ день битвы при Гроссъ-Егерндорфѣ онъ и не подозрѣвалъ о томъ, что идётъ сраженіе, когда оно было уже на половину выиграно, а когда онъ узналъ наконецъ, что дѣйствительно шло сраженіе, то онъ былъ дотога взволнованъ, что до конца не отдалъ никакихъ приказаній, а когда ему донесли объ одержанной побѣдѣ, не сумѣлъ сдѣлать ничего лучшаго, какъ отдать приказъ начать на слѣдующій день отступление, тогда какъ магистратъ города Кенигсберга избралъ уже депутацію, которая должна была вручить Апраксину ключи отъ города...“

„Пославъ своего дежурнаго генерала, графа Петра Панина въ Петербургъ съ донесеніемъ объ одержанной побѣдѣ, Апрак-

сильнѣе подпалъ, въ отсутствіе этого храбраго и дѣльнаго генерала, подъ вліяніе лицъ, которыя, пользуясь его бездарностью, успѣли убѣдить его, что ежели онъ пойдетъ впередъ, то армія погибнетъ отъ недостатка провіанта.

„Генераль Ливенъ былъ заподозрѣнъ въ томъ, что онъ далъ своему начальнику совѣтъ отступить, будучи подкупленъ королемъ прусскимъ; между тѣмъ онъ пользовался всю жизнь такой безупречной репутаціей, что его память не можетъ быть запятнана этимъ ничѣмъ недоказаннымъ обвиненіемъ.

Кто бы ни далъ Апраксину этотъ пагубный совѣтъ, суть въ томъ, что онъ пошелъ обратно въ Самогитію, словно онъ понесъ поражаніе... Дворы Вѣнскій и Версальскій вопіяли объ измѣнѣ; Варшавскій дворъ жаловался, что пособіе, обѣщанное Саксоніи, не было имъ получено.

„Было бы излишне перечислять подробно всѣ мои ходатайства и многочисленныя записки, поданныя мною во время моего пребыванія въ Петербургѣ, чтобы добиться исполненія обѣщаній, данныхъ моему монарху; отвѣты на мои прошенія получались всегда благопріятныя, но неурядица при дворѣ и въ управленіи была такъ велика, что исполненіе обѣщаннаго замедлялось или исполнялось наполовину.

„Всѣ семь лѣтъ, которыя длилась эта ужасная война, Августъ II не получалъ никакихъ доходовъ со своего курфиршества. Обыкновенныя доходы Саксоніи равнялись въ то время 9 милліонамъ ефимковъ; но король прусскій извлекъ изъ нея по крайней мѣрѣ въ три раза больше разными наборами и налогами, т.-е. Саксонія дала ему въ семь лѣтъ 189 милліоновъ ефимковъ. Если прибавить къ этому 700 тысячъ фунтовъ стерлинговъ ежегодной субсидіи со стороны Англіи, то будетъ понятно, что невозможное оказалось возможнымъ, т.-е., курфирсть Бранденбургскій могъ въ теченіе семи лѣтъ противостоятъ соединеннымъ силамъ Россіи, Австріи, Франціи и Швеціи. Къ сказанному надобно прибавить тѣ неисчислимыя доходы, которые доставило курфюрсту вопіющее злоупотребленіе, которое онъ, первый изъ монарховъ, позволилъ себѣ, начавъ чеканить монеты съ изображеніемъ Августа III; мало того, что онъ чеканилъ ихъ на монетныхъ дворахъ Саксоніи, онъ поддѣлывалъ ихъ также въ своихъ владѣніяхъ, вслѣдствіе чего онѣ мало по малу были обезцѣнены, до $\frac{1}{3}$ ихъ прежней стоимости“.

Отъ этого страдала не только Саксонія, но и Польша, которая была наводнена фальшивыми монетами, которыми пруссаки расплачивались за хлѣбъ, лошадей, скотъ, селитру, холстъ и

солдатское сукно, приобретаемые для войска. Въ Польшу было ввезено до ста милліоновъ фальшивой монеты прежде, нежели мои соотечественники, среди коихъ было не мало сторонниковъ короля прусскаго, поняли, до чего были обезцѣнены ихъ деньги. Когда они наконецъ спохватились и подняли цѣны на продукты, то курсъ еще болѣе упалъ. Къ концу войны, въ 1763 году, въ Польшѣ оказалось до 200 милліоновъ фальшивыхъ денегъ.

„Польскіе евреи, лучше освѣдомленные, нежели остальные жители, быстро столковались съ прусскими евреями, черезъ руки которыхъ шли фальшивыя монеты; польскіе евреи такъ ревностно работали въ то время на пользу короля прусскаго, что они содержали на свой счетъ почту въ Турціи и отъ границъ Силезіи до Венгріи, что очень помогало пруссакамъ въ ихъ сношеніяхъ съ этими странами и въ особенности съ Польшей, гдѣ они старались поддержать бодрость духа среди сторонниковъ Фридриха, распространяли нужные имъ слухи и получали свѣдѣнія о русскихъ и австрійскихъ войскахъ, наконецъ устраивали тысячу разныхъ дѣлъ, послѣдствія которыхъ Августъ III ощущалъ постоянно, не имѣя возможности устранить ихъ“.

„Король и его дворъ существовали исключительно доходами съ королевскихъ имѣній, что составляло едва-едва сто тысячъ дукатовъ въ годъ. Субсидіи, получаемыя изъ Франціи, шли на содержаніе королевы и многочисленной королевской семьи въ Дрезденѣ и на уплату жалованія саксонскимъ войскамъ.

„Таково было по истинѣ бѣдственное положеніе Августа III, въ которое онъ попалъ потому, что не захотѣлъ насильно стать союзникомъ короля прусскаго“.

„Не берусь судить, которая изъ сторонъ была права во время этой ужасной войны“, говоритъ Станиславъ-Августъ, „но она была тяжела для Саксоніи; друзья и враги одинаково разоряли ее. Пруссаки и австрійцы бомбардировали Дрезденъ; послѣдніе безо всякаго повода бомбардировали Циттау—самый промышленный городъ курфиршества. Обѣ стороны обвиняли другъ друга въ грабежахъ и звѣрствахъ. По повелѣнію короля прусскаго былъ сожженъ Губертсбургскій королевскій замокъ, изъ котораго предварительно была вывезена и продана мебель. Мѣдная крыша замка продана еврею. По повелѣнію короля было взорвано великолѣпное зало въ саду графа Брюля въ Дрезденѣ, и разрушено двѣ виллы, принадлежавшія министру, одна изъ нихъ была разрушена въ присутствіи самого короля, который

собственноручно разбилъ о спину привратника зеркало, которое этотъ преданный слуга пытался спасти. Король утверждалъ, что это дѣлалось въ отомщеніе за опустошеніе Пруссіи русскими войсками и Шарлоттенбурга австрійцами. Изъ саксонскихъ тюремъ было выпущено до ста преступниковъ; изъ нихъ четверо, пойманные въ Богеміи, утверждали, будто король приказалъ имъ жечь и истреблять все, что было возможно. Быть можетъ это невѣрно, но всѣ были удивлены тѣмъ, что этихъ злодѣевъ выпустили на свободу“.

„Бѣдствія, испытанныя Августомъ III и его подданными во время войны, и разореніе его страны прусскими войсками возбуждали къ нему состраданіе и сочувствіе Россіи, Австріи и Франціи. Императрица Елисавета Петровна и Марія Терезія хотѣли вознаградить его, и Понятовскому, какъ представителю короля польскаго, было поручено представить до окончанія войны русскому двору записку съ изложеніемъ требованій, предъявленныхъ королемъ польскимъ. Записка была представлена 19 сентября 1757 г.; копіи съ ней были препровождены въ Вѣну и въ Парижъ, но обстоятельства сложились такъ благопріятно для короля прусскаго, что обѣщанія державъ не были исполнены.

„Франція сочла моментъ благопріятнымъ, чтобы возстановить вліяніе, какимъ она пользовалась одно время при дворѣ Елисаветѣ Петровны. Французскимъ посланникомъ былъ назначенъ въ это время маркизъ Л'Опиталь. Онъ прибылъ съ многочисленной свитой и съ большой пышностью, которую онъ старался выставить напоказъ, очевидно съ цѣлью произвести впечатлѣніе. По его заказу была написана картина, изображавшая его переѣздъ со свитой черезъ Карпаты, въ двадцати трехъ экипажахъ; онъ показывалъ ее всѣмъ съ восторгомъ.

„Л'Опиталь былъ плохо образованъ и не особенно уменъ; онъ походилъ скорѣе на стараго комедіанта, нежели на стараго аристократа; онъ старался всѣми силами мнѣ вредить, будучи во время проѣзда чрезъ Варшаву возстановленъ противъ меня французскимъ посланникомъ при дворѣ Августа III, графомъ де-Брольо.

„Когда послѣдній былъ назначенъ въ Дрезденъ, въ Парижѣ хохотали и задавали другъ другу вопросъ: „ужъ не хочетъ ли король объявить войну королю польскому?“ Въ самомъ дѣлѣ, Брольо былъ человѣкъ крайне вспыльчивый, гордый, повелительный, сварливый и неуживчивый; впрочемъ, онъ былъ уменъ и трудолюбивъ, хотя и не прочь былъ развлечься; онъ хотѣлъ

по-своему вертѣтъ Саксоніей и Польшей и не мирился съ тѣмъ, что Россія пользовалась при дворѣ Августа III большимъ вліяніемъ. Считаая меня сторонникомъ Англіи и опасаясь, чтобы, благодаря моему присутствію, въ Россіи не усилилось вліяніе моей семьи, которую Брольо считалъ враждебной Франціи, онъ старался, чтобы я былъ отозванъ изъ Петербурга. Графъ Брюль цѣлый годъ противился его настояніямъ, боясь навлечь на себя гнѣвъ Бестужева и великой княгини; къ тому же я снискалъ расположеніе Вѣнскаго двора, оказавъ ему немаловажную по тому времени услугу.

„Считаая своимъ долгомъ ради общей пользы измѣнить, насколько это отъ меня зависѣло, недружелюбное отношеніе великаго князя къ графу Эстергази и Вѣнскому двору, я пользовался для этого всякимъ удобнымъ случаемъ, и это мнѣ настолько удалось, что уже весной 1757 г. князь Кауницъ писалъ графу Эстергази:

„Его Величество и министръ съ особымъ удовольствіемъ узнали изъ Вашего сообщенія о томъ, что графъ Понятовскій искренно старается разсѣять неблагопріятное впечатлѣніе, которое сложилось въ умѣ великаго князя по отношенію къ вашему превосходительству, и доставить вамъ случай лично объясниться по этому поводу съ его высочествомъ... Это разсѣетъ всякое сомнѣніе относительно удостовѣреннаго вами дружелюбнаго и осторожнаго поведенія графа Понятовскаго.

„Предубѣжденіе, которое мы имѣли вначалѣ противъ названнаго графа, было очень велико; но такъ какъ нашъ дворъ привыкъ относиться скорѣе доброжелательно къ посланнику, извѣстному своей проницательностью и дорожащему своей честью, то здѣсь рады быть лучше освѣдомленными и ваше превосходительство поступите согласно съ намѣреніями нашего двора, оказывая графу Понятовскому полное довѣріе и поступая сообразно съ этимъ.

„15 іюля 1757 г., при ближайшемъ участіи Понятовскаго, между Маріей Терезіей и великимъ княземъ Петромъ Федоровичемъ былъ заключенъ на время войны договоръ относительно Голштинскихъ войскъ, которыя великій князь обязался въ случаѣ надобности предоставить въ распоряженіе императрицѣ, а она, въ свою очередь, обязалась уплачивать на снаряженіе этихъ войскъ сто тысячъ флориновъ ежегодно“.

„Зная фанатическую приверженность Петра III къ Пруссіи, Вѣнскій дворъ вполне оцѣнилъ услугу, оказанную ему Понятовскимъ, который успѣлъ склонить великаго князя къ этому

шагу. Поддержка, оказанная въ свою очередь Понятовскому австрійскимъ посланникомъ, дала Станиславу-Августу возможность съ успѣхомъ бороться въ теченіе цѣлаго года противъ происковъ Франціи; тѣмъ не менѣе вопросъ объ его отозваніи изъ Петербурга былъ рѣшенъ окончательно въ исходѣ 1757 г., когда Брольо удалось, наконецъ, по настоянію своего правительства, убѣдить графа Брюля въ томъ, что „пробываніе графа Понятовскаго при Петербургскомъ дворѣ опасно для интересовъ Франціи“.

Такъ какъ можно было предполагать, что англійскій посланникъ при дворѣ Августа III, Стортингъ, въ виду своихъ дружескихъ отношеній къ семейству Чарторыйскихъ и въ интересахъ своего правительства постарается воздѣйствовать на графа Брюля съ цѣлью удержать Понятовскаго въ Россіи, то Брольо также было повелѣно добиться отозванія Стортинга.

Одновременно съ отзывными грамотами, которыя были присланы Понятовскому съ французскимъ курьеромъ, онъ получилъ письмо отъ короля и отъ графа Брюля.

Король благодарилъ Станислава-Августа за усердіе и за службу и писалъ, что онъ помимо воли вынужденъ отозвать его, что онъ не могъ поступить иначе, такъ какъ король Франціи, подозрѣвая его въ симпатіи къ Англіи и въ поддержкѣ съ этой страной тайныхъ сношеній въ ущербъ интересамъ Франціи, настаивалъ на его немедленномъ отозваніи.

То же подтвердилъ король отцу Понятовскаго, когда послѣдній, встревоженный отозваніемъ сына, испросилъ у Августа III аудіенціи.

„Вы видите мое положеніе“, сказалъ король, „необходимость заставила меня отозвать его, ибо въ противномъ случаѣ Франція угрожала лишить меня дальнѣйшей поддержки“; онъ же, король, писалъ сыну Понятовскій, только и существуетъ субсидіями, получаемыми отъ Франціи и Россіи, безъ нихъ у него не было бы куска хлѣба для себя и для королевы; ошибки, сдѣланныя Апраксинымъ, не позволяютъ болѣе рассчитывать на русское войско, поэтому онъ вынужденъ держаться Франціи, которая даетъ ему средства къ существованію“.

„Говоря это, король былъ растроганъ до слезъ.“

Когда въ Петербургѣ стало извѣстно объ отозваніи Понятовскаго, всѣ, не исключая Л'Опиталя, успѣшили выразить ему свое сочувствіе; молодой фаворитъ, Иванъ Ивановичъ Шуваловъ, относившійся съ большимъ уваженіемъ къ великой княгинѣ Екатеринѣ Алексѣевнѣ, увѣрялъ, что онъ въ отчаяніи по

поводу случившагося и будетъ всячески стараться измѣнить это рѣшеніе; сама Императрица Елисавета Петровна вмѣсто того, чтобы дать послу прощальную аудіенцію, о которой онъ просилъ, милостиво высказала ему во всеуслышаніе свое сожалѣніе по поводу его отъѣзда — „фактъ выдающійся, такъ какъ она не имѣла обыкновенія въ дни официальныхъ пріемовъ говорить съ посланниками второстепенныхъ государствъ“.

Вышесказанное имѣло послѣдствіемъ, что канцлеръ Бестужевъ заявилъ, что онъ считаетъ отозваніе Понятовскаго актомъ недружелюбнымъ по отношенію къ нему лично и въ видѣ удовлетворенія требуетъ, чтобы Станиславъ былъ вновь назначенъ въ Петербургъ, этотъ разъ полномочнымъ министромъ короля польскаго для рѣшенія возникающихъ спорныхъ вопросовъ.

Понятовскій пробылъ въ Россіи еще нѣсколько мѣсяцевъ. Въ это время великая княгиня разрѣшилась отъ бремени дочерью, скончавшейся въ 1759 году.

„Я видѣлся съ нею часто“, записалъ Понятовскій. „Теперь мнѣ для этого уже не было надобности въ содѣйствіи Нарышкина.“

„Подъѣзжая къ дворцу, я выходилъ изъ экипажа, шелъ немного пѣшкомъ, а затѣмъ, подымаясь по той маленькой лѣстницѣ, по которой Нарышкинъ провелъ меня первый разъ; часовые, которыхъ очевидно предупреждали, ничего не спрашивали и не задерживали меня. Иногда Великая Княгиня выходила въ условленный часъ по той же лѣстницѣ, одѣтая въ мужское платье, садилась въ сани, и я везъ ее къ себѣ. Однажды, когда я поджидалъ ее въ саняхъ, какой-то унтеръ-офицеръ долго вертѣлся около меня и даже задалъ мнѣ нѣсколько вопросовъ. Я былъ въ мѣховой шапкѣ и закутанъ въ шубу. Я притворился спящимъ, какъ слуга, поджидающій барина. Признаюсь несмотря на сильный морозъ, меня бросило въ жаръ; наконецъ, унтеръ-офицеръ ушелъ, и Великая Княгиня вышла. Но это была ночь приключеній. Сани налетѣли на камень и ихъ такъ встряхнуло, что Екатерина Алексѣевна упала изъ саней, лицомъ внизъ. Она лежала не шевелясь, и я думалъ, что она убила до смерти; я поспѣшилъ поднять ее. Она отдѣлалась одними ушибами; но когда она вернулась домой, то оказалось, что ея камеристка по ошибкѣ заперла дверь въ ея спальню; ей угрожала величайшая опасность; къ счастью, другая особа успѣла впустить ее“.

25 февраля 1758 г., возвратясь въ 10 часовъ вечера изъ театра, Понятовскій засталъ у себя Бернарди, ювелира изъ

Венеціи, который часто передавалъ Великой Княгинѣ письма отъ меня и канцлера и приносилъ намъ ея отвѣты.

„Все пропало“, сказалъ онъ, канцлеръ Бестужевъ арестованъ; у его дома стоитъ стража; я узналъ объ этомъ въ домѣ Далоліо. Умоляю васъ, прикажите бросить меня въ колодезь, чтобы мнѣ не изнывать въ тюрьмѣ“.

„Подумавъ съ минуту, рассказываетъ Понятовскій, я спросилъ его: есть ли у васъ въ настоящую минуту хотя какая-нибудь бумажка, написанная рукою канцлера или Великой Княгини?“

„Нѣтъ“, возразилъ онъ.

„Ну, такъ отправляйтесь преспокойно домой... дѣло кончится вѣроятно не такъ трагично, какъ вы полагаете, если же вы теперь спрячетесь, это только ухудшитъ ваше положеніе“.

Долго пришлось уговаривать и ободрять Бернарди; наконецъ онъ послушалъ моего совѣта. Мнѣ рѣдко приходилось переживать такую тяжкую минуту; Бернарди не только оказывалъ мнѣ не мало услугъ, но это былъ человѣкъ въ высшей степени милый и честный; онъ не избѣгнулъ тюрьмы; но его уже собирались выпустить, какъ дѣло Бестужева приняло неблагоприятный оборотъ, это отразилось на участи Бернарди, который былъ сосланъ въ Казань, гдѣ и скончался. Его жена и дѣти, жившіе въ Венеціи, получали отъ меня опредѣленную пенсію“.

Опала, постигшая Бестужева, была весьма непріятна Великой Княгинѣ и такъ сильно повліяла на Понятовскаго, что онъ слегъ въ постель и проболѣлъ нѣсколько недѣль. Съ этихъ поръ у него начались головныя боли, которыми онъ страдалъ всю жизнь.

„Хотя Левъ Александровичъ Нарышкинъ и далъ Великой Княгинѣ поводъ не довѣрять ему, однако исчезновеніе Бернарди заставило ее вновь обратиться къ посредничеству Нарышкина, чтобы возобновить сношенія со мною,—пишетъ Понятовскій. Наши свиданія происходили по-прежнему; въ то же время отношенія Великой Княгини къ Императрицѣ Елисаветѣ Петровнѣ улучшились, и мы имѣли основаніе думать, что она одобряетъ нашу связь. Это ободрило меня и болѣе способствовало моему выздоровленію, нежели всѣ лѣкарства моего врача Бѣрграва.“

„Такъ какъ дѣло канцлера Бестужева приняло плохой оборотъ и всѣ прочія обстоятельства не особенно благоприятствовали моему пребыванію въ Петербургѣ, то я рѣшилъ на нѣкоторое время взять отпускъ и уѣхать изъ Россіи.“

„Въ виду этого мои ночныя поѣздки въ Ораніенбаумъ, гдѣ жилъ молодой дворъ, участились.

„Я такъ приспособился къ этому и такъ удачно проѣзжалъ никѣмъ не замѣченный, что уже не считалъ эти поѣздки для себя опасными (я ѣздилъ всегда переодѣтымъ), и 6-го іюля я даже рискнулъ пуститься въ путь, не условившись предварительно съ Великой Княгиней, какъ бывало раньше. Я нанялъ, по обыкновенію, маленькій крытый экипажъ; возница былъ мнѣ незнакомъ, но на запяткахъ сидѣлъ переодѣтый слуга, который обычно меня сопровождалъ.

„Этотъ разъ мы встрѣтились въ Ораніенбаумскомъ паркѣ Великаго Князя со свитой. Вся компанія была навеселѣ. Кучера спросили, кого онъ везетъ? Онъ отвѣчалъ: не знаю; мой слуга заявилъ, что я портной. Насъ пропустили, но фрейлина Елисавета Воронцова, фаворитка Великаго Князя, бывшая съ нимъ, такъ зло подсмѣивалась надъ мнимымъ портнымъ и высказывала такія предположенія, что Великій Князь пришелъ въ ярость и когда я вышелъ въ паркъ, проводя нѣсколько часовъ съ Великой Княгиней въ маленькомъ уединенномъ павильонѣ, гдѣ она въ то время помѣщалась, на меня напали три верховыхъ съ саблями наголо; они схватили меня за шиворотъ и потащили къ Великому Князю; узнавъ меня, онъ приказалъ намъ слѣдовать за нимъ. Мы шли нѣкоторое время по дорожкѣ, которая упиралась въ море. Я думалъ, что настала мой послѣдній часъ; дойдя до берега, мы свернули къ другому павильону; войдя туда, Великій Князь безъ обиняковъ спросилъ меня, что я дѣлалъ?.. съ его женою. Я отвѣчалъ: нѣтъ.

„Говорите правду, сказалъ онъ; если сознаетесь, все уладится, если нѣтъ, вамъ придется плохо.

— Я не могу сказать, что я дѣлалъ то, чего я не дѣлалъ, отвѣчалъ я.

Онъ вышелъ въ сосѣднюю комнату, гдѣ повидимому совѣтовался со своей свитой; вернувшись, онъ сказалъ:

„Ну если вы не хотите говорить, вы останетесь тутъ до дальнѣйшихъ приказаній“ и оставилъ меня вдвоемъ съ генераломъ Брокдорфомъ.

Мы просидѣли въ глубокомъ молчаніи два часа; наконецъ явился графъ Александръ Шуваловъ, двоюродный братъ фаворита. Это былъ великій инквизиторъ, начальникъ грозной тайной канцеляріи. Слово для того, чтобы усилить страхъ, который внушало его имя и возложенная на него обязанность, его

лицо передергивалось какими-то судорогами, что придавало ему безобразный видъ.

„При появленіи его я понялъ, что Императрицѣ все было извѣстно. Онъ сконфуженно пробормоталъ нѣсколько словъ, которыхъ я не понялъ, но угадалъ, что онъ требуетъ у меня объясненія по поводу случившагося.

„Не входя ни въ какія подробности, я сказалъ: „вы вѣроятно поймете, м. г., что честь вашего собственнаго двора требуетъ, чтобы вся эта исторія разрѣшилась съ наименьшей оглаской и чтобы вы меня извлекли отсюда какъ можно скорѣе“.

„Вы правы, я объ этомъ позабочусь“, сказалъ онъ, заикаясь, ибо въ довершеніе всего онъ былъ заика.

Онъ ушелъ. Вернувшись приблизительно часъ спустя, онъ заявилъ, что карета для меня готова и что я могу ѣхать въ Петергофъ.

Карета была запряжена парой лошадей, маленькая, плохенькая, и вся въ стеклахъ, какъ фонарь. Было 6 часовъ утра, когда я потащился въ ней по песчаной дорогѣ; путь показался мнѣ безконечнымъ.

„Подѣзжая къ Петергофу, я остановился и, отпустивъ карету, рѣшилъ далѣе итти пѣшкомъ, закутавшись въ шинель и нахлобучивъ свою сѣрую шапку на уши. Меня легко могли принять за разбойника, но все-таки я менѣе обращалъ на себя вниманіе любопытныхъ, чѣмъ въ каретѣ.

Дойдя до деревяннаго дома, въ которомъ я жилъ вмѣстѣ съ свитой принца Карла ¹⁾, и увидавъ, что окна нижняго этажа были открыты, я рѣшилъ не входить въ дверь, чтобы не встрѣтиться съ кѣмъ-нибудь, а влѣзть въ мою комнату черезъ окно; но я ошибся окномъ и попалъ въ комнату моего сосѣда генерала Роникера, который въ эту минуту брился. Онъ подумалъ, что передъ нимъ привидѣніе; мы стояли нѣсколько минутъ молча, затѣмъ расхохотались, и я сказалъ:

„Не спрашивайте меня, откуда я явился и почему я явился черезъ окно; но какъ добрый товарищъ дайте мнѣ честное слово, что вы не разболтаете объ этомъ“.

Онъ обѣщалъ; я легъ и попытался уснуть, но это было тщетно.

Я провелъ два дня въ величайшей тревогѣ. По лицу окружающихъ я отлично видѣлъ, что мое приключеніе было всѣмъ извѣстно, но никто объ этомъ не говорилъ со мной. Наконецъ Великая Княгиня нашла способъ переслать мнѣ записку, изъ

¹⁾ Любимый сынъ Августа III, бывшій въ то время въ Петербургѣ.

которой я узналъ, что она сдѣлала попытку задобрить фаворитку своего мужа. Черезъ день великій князь съ супругой и весь дворъ прибыли въ Петергофъ; это было 29 іюня, день Петра и Павла.

Вечеромъ при дворѣ былъ балъ; танцуя менуетъ съ Воронцовой, я сказалъ ей: „есть люди, которыхъ вы могли бы осчастливить“.

Она отвѣчала: „дѣло ужъ почти улажено, приходите въ часъ ночи съ Львомъ Александровичемъ въ Нижній садъ къ Монплевиру, гдѣ помѣщаются ихъ Высочества“. Я пожалъ ей руку и пошелъ посовѣтываться съ Л. А. Нарышкинымъ. Онъ сказалъ: „приходите, я буду у Великаго Князя“.

Я колебался нѣкоторое время, затѣмъ сказалъ Браницкому: „рискните прогуляться со мною сегодня ночью въ Нижнемъ саду? Одному Богу извѣстно, куда насъ заведетъ эта прогулка, но по всей вѣроятности она окончится благополучно“.

Онъ сразу согласился и въ назначенный часъ мы отправились въ указанное мѣсто. Шагахъ въ двадцати отъ павильона я встрѣтилъ Елисавету Воронцову, которая сказала мнѣ:

„Вамъ придется обождать тутъ; у Великаго Князя гости, они курятъ трубки; когда они уйдутъ, онъ васъ приметъ“.

Она подходила нѣсколько разъ къ павильону и прислушивалась. „Войдите“, сказала она наконецъ. Великій Князь быстро подошелъ ко мнѣ съ веселымъ видомъ и сказалъ:

„Ну не дуракъ ли ты, что не сказалъ мнѣ все откровенно? Если бы ты это сдѣлалъ, всей этой кутерьмы не было бы“.

Я во всемъ признался и тотчасъ сталъ восхвалять военныя способности Великаго Князя. Это такъ польстило ему и привело его въ столь прекрасное настроеніе духа, что черезъ четверть часа онъ сказалъ мнѣ: „ну вотъ мы и помирились, однако для полнаго удовольствія намъ кое-кого не хватаетъ“ и пройдя въ спальню жены, онъ поднялъ ее съ постели; она едва успѣла натянуть чулки и набросить капотъ, какъ онъ притащилъ ее къ намъ въ комнату, какъ она была, безъ сапогъ и безъ юбокъ и, указывая на меня, произнесъ: „Ну вотъ. Надѣюсь мною будутъ довольны“.

Она поймала его на словѣ и сказала: „не достаетъ только записочки отъ вашего имени къ вице-канцлеру Воронцову съ приказаніемъ похлопотать въ Варшавѣ о скорѣйшемъ возвращеніи нашего друга сюда“.

Великій князь приказалъ принести столъ съ письменными принадлежностями, но такового въ павильонѣ не оказалось;

нашлась доска, которую ему положили на колѣна; и онъ набросалъ записку Воронцову и кромѣ того далъ мнѣ писанную карандашемъ записку Воронцовой слѣдующаго содержанія, которая по сей часъ хранится у меня.

„Будьте увѣрены, что я сдѣлаю все возможное, чтобы вы вернулись. Я буду всѣхъ просить объ этомъ и докажу вамъ, что я о васъ не забуду.

„Прошу васъ не забывать меня и вѣрить, что вы всегда будете имѣть во мнѣ друга. Остаюсь преданная вамъ слуга Елисавета Воронцова“.

„Затѣмъ мы всѣ шестеро стали хохотать; болтать и баловаться съ фонтанчикомъ, который былъ въ залѣ, какъ будто все было какъ нельзя лучше и разошлись только въ 4 часа утра.

„Какъ все это ни покажется дико, но я клянусь, что все это истина; съ этого дня началась моя дружба съ Браницкимъ.

На другой день всѣ были со мною любезны. Съ вѣдома Великаго Князя я былъ еще 4 раза въ Ораніенбаумѣ. Я приѣзжалъ вечеромъ; проходилъ по потайной лѣстницѣ къ Великой Княгинѣ; гдѣ заставалъ Великаго Князя и его фаворитку. Мы ужинали вмѣстѣ, послѣ чего онъ уводилъ Воронцову, говоря: „ну, дѣти мои, вамъ меня кажется, болѣе не нужно“; и я оставался, сколько хотѣлъ.

Иванъ Ивановичъ Шуваловъ былъ со мною любезенъ, Воронцовъ также. Но все же мнѣ пришлось уѣхать изъ Петербурга, какъ это было рѣшено раньше.

В. Т.

(Продолженіе слѣдуетъ).

